

Лариса А. Калимуллина

Семиотическая сущность невербального эмоционально кода и специфика его номинации : на материале славянских языков

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 533-545

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ЛАРИСА А. КАЛИМУЛЛИНА

Башкирский государственный университет / Уфа

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНО КОДА И СПЕЦИФИКА ЕГО НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

В современной науке является аксиомой утверждение о том, что невербальный код играет не менее важную роль в передаче информации, чем естественный язык. Как справедливо полагает Г. В. Колшанский,

[...] абстрагирующий характер языка [...] не устранил тех примитивных форм (биологических) общения, которые были свойственны предкам. Вот почему паралингвистические свойства языка человека в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации. Ни один логический язык не может быть подобием естественного языка [...] в плане отрыва его от всех присущих ему антропологических паралингвистических форм, сопровождающих речевой акт.¹

Поэтому неслучайным является то, что в последние десятилетия представители различных областей гуманитарного знания уделяют всё большее внимание изучению феномена телесности с точки зрения интерпретации внешних (физических и физиологических) проявлений человека средствами тех или иных знаковых систем.² Однако, несмотря на имеющиеся достижения в данной области, в детальном изучении нуждаются многие вопросы, которые касаются знаковой сущности невербального кода, а также его взаимодействия с единицами естественного языка. Анализ данной проблематики приобретает особую актуальность в том случае, если мы обращаемся к эмоциональным аспектам коммуникации. Отмечаемый в настоящее время рост исследовательского интереса к этой сфере, несомненно, имеет социально-

¹ Г. В. Колшанский, *Паралингвистика*, Москва 1974, с. 77.

² См., например: Г. Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика*, Москва 2002; *Тело в русской культуре*. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конг, Москва 2005; П. Экман, *Психология эмоций*. Я знаю, что ты чувствуешь, Санкт-Петербург 2010 и др.

исторические корни: изменение условий жизни современного человека обуславливает интенсификацию проявлений эмоциональной раскрепощенности, объясняемой влиянием массовой культуры, для которой в высшей степени характерна гипертрофия эмоционального компонента и редукция рациональной составляющей в вербальных реакциях.³ При этом в ситуации открытого, прямого выражения эмоций, характерного для современного социума, невербальные средства приобретают всё большее значение, порой вытесняя речевые единицы. В связи с этим данной работе мы хотели бы сосредоточить свое внимание на универсальных и отличительных признаках вербальных и невербальных компонентов эмоциональной коммуникации с точки зрения их знаковой специфики, а также на некоторых закономерностях номинации невербальных средств выражения эмоций в ряде славянских языков (русском, болгарском, польском, чешском).

Как полагают исследователи, в филогенезе все движения человеческого тела обусловлены биологически, что исключает их изначальную семиотичность.⁴ Так, еще Ч. Дарвин в своей работе «О выражении эмоций у человека и животных» описал разные виды биологической детерминации тех движений, которые могли бы показаться «природными» жестами или мимическими знаками, в частности указал на действие «принципа антитезы».⁵ Однако в ходе исторического развития человечества происходит семиотизация движений тела, т.е. превращение незнакового поведения в знаковое:

Изучение происхождения и культурной эволюции незнаковых движений, путей и способов перехода их в разряд жестов, а также анализ процессов семантической деривации одних жестов из других дает основание говорить об особых типах невербального семиотического процесса.⁶

Следовательно, для адекватного описания телодвижений и их классификации необходимо учитывать этапы семиозиса, т.е. переход от биологической ритуализации к культурной, а также характер соотношения означаемого и означающего. Как отмечают Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин, первым исследователем, который (не будучи семиотиком в прямом смысле

³ В. И. Карасик, *Девербализация*, в: *Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты*, Волгоград 2009, с. 166–174.

⁴ Н. Б. Мечковская, *На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке*, в: *Логический анализ языка: Языки динамического мира*, Дубна 1999, с. 376.

⁵ Ч. Дарвин, *О выражении эмоций у человека и животных*, Санкт-Петербург 2001, с. 50.

⁶ Г. Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика*, Москва 2002, с. 83.

термина) на обширном материале показал плавный (эволюционный) переход от биологического к культурному, был Конрад Лоренц.⁷ Его основополагающая статья так и называется – «Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах». «Ритуализованному действию» он дает следующее определение:

У животных существуют определенные моторные реакции – серии стереотипных движений («ритуалы»), столь же характерные для представителей данного вида, рода, семейства, отряда и даже более высоких таксономических категорий, как те или иные морфологические особенности животных.⁸

Такие ритуализации, по Лоренцу, обладают определенной структурой: 1) некоторое движение или совокупность движений приобретает автономный характер; 2) при этом первоначальное, спонтанное, неритуализованное действие претерпевает изменение; 3) появляется сигнальная (в терминологии Ю. С. Степанова и С. Г. Проскурина – знаковая) функция.⁹

С учетом двух вышеназванных критериев (этапов семиозиса и характера соотношения означаемого и означающего) ученые предлагают следующую классификацию телодвижений¹⁰:

1) утилитарные физические движения и физиологические процессы, для которых характерна нулевая степень знаковости, поскольку они не совершаются с информационной целью и не являются для окружающих источником сведений о внутреннем состоянии субъекта («открыл глаза» проснувшись, «покраснел от жары» и т.д.);

2) явления психологической симптоматики, т.е. значимые позы, жесты, мимические выражения, которым присуща минимальная степень знаковости, так как эти движения представляются произвольными и нецеленаправленными, а потому выступают как часть другого действия или состояния; именно в связи с этим подобные элементы телесного языка могут быть названы знаками-индексами, например: «плакать», «смеяться», «надуться» и т.п.;

⁷ Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин, *Концепт «действие» в контексте мировой культуры*, в: *Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995*, Москва 2003, с. 403.

⁸ Цит. по: Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин, *Концепт «действие» в контексте мировой культуры*, в: *Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995*, Москва 2003, с. 403.

⁹ Там же, с. 404.

¹⁰ Н. Б. Мечковская, *На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке*, в: *Логический анализ языка. Языки динамического мира*, Дубна 1999, с. 377–378.

3) явления кинесики, т.е. коммуникативно релевантные телодвижения, жесты, мимические реакции, выступающие в качестве конвенциональных знаков в составе сообщения, например: «погроzić кулаком», «встать в знак уважения» и т.п.; условный характер таких единиц *body language* позволяет признать их знаками-символами.

Несмотря на то что приведенная классификация довольно хорошо согласуется с требованием рассматривать любой семиотический объект в том или ином «диапазоне знаковости» (термин Степанова), мы полагаем, что она нуждается в определенной корректировке, поскольку явления психологической (прежде всего – эмоциональной) симптоматики, объединенные в одну группу, в действительности весьма разнородны и могут быть подразделены на две системы:

1. Физиологические (соматические) реакции, возникновение которых носит непровольный, подсознательный характер: изменения в обмене веществ, в деятельности сердечно-сосудистой системы, эндокринных желез и т.д., вызывающие появление внешних симптомов эмоций (покраснение лица или его бледность, дрожь, потоотделение и т.д.).

2. Мимическое, кинетическое и вокальное выражение эмоций: смех, слезы, вздохи, позы, выражения глаз, лица, представляющие собой наиболее древнюю в эволюционном плане знаковую систему выражения внутренних состояний, возникшую раньше звуковой речи¹¹. В отличие от физиологической симптоматики названным элементам *body language* присуще свойство конвенциональности, о чем ярко свидетельствует их потенциальная произвольность (ср. возможность намеренной имитации смеха, плача и т.д.), а также тот факт, что в определенном этносоциуме им может приписываться специфическое узуальное значение.

В связи с рассмотренной классификацией возникает вопрос о приоритете естественно-звукового или «телесного» языка в адекватном выражении внутренних состояний человека. В настоящее время существуют прямо противоположные точки зрения на данную проблему. Так, некоторые исследователи полагают, что первичная семиотическая система¹² (*body lan-*

¹¹ В. П. Морозов, *Искусство и наука общения: невербальная коммуникация*, Москва 1998, с. 20–21.

¹² Вслед за В. И. Шаховским мы называем «телесный» язык первичной семиотической системой, имея в виду генетический аспект невербального проявления внутренних состояний, прежде всего базовых эмоций, общих для человека и животных (см. цитированную работу Ч. Дарвина). В связи с этим следует упомянуть также термин «примитивная система символизации», предложенный У. Л. Чейфом для обозначения неязыкового (жестового или паралингвистического) выражения эмоциональных состояний (У. Л. Чейф, *Значение и структура языка*, Москва 2003, с. 32–34)

guage) превосходит вторичную (*verbal language*) по степени надежности, скорости, качеству передачи информации и т.д.¹³ В защиту этой точки зрения можно привести некоторые соображения:

1. История знает периоды, когда «язык тела» был более значим, чем язык слов: так, культуру средневековья часто определяют как «культуру жеста», подчеркивая тем самым огромную роль, которую играли движения и положения тела в жизнедеятельности человека; исключительная важность неязыковых компонентов общения в средневековом социуме объясняется таким важным с лингвистической точки зрения фактом, как недостаточное распространение грамотности.¹⁴

2. В условиях, когда коммуниканты не имеют общего вербального канала (один из них не владеет речью, собеседники говорят на разных языках и т.д.), фонация и кинесика могут стать единственными средствами общения: например, ребенок в возрасте до одного года обычно использует в качестве коммуникативных средств различные виды фонации (гуление, эхоталии, лепет и т.п.).¹⁵ Тот факт, что в онтогенезе невербальные компоненты общения предшествуют языковым, свидетельствует об эволюционно-исторической древности первых, поскольку согласно биогенетическому закону Геккеля – Мюллера онтогенез повторяет филогенез.¹⁶

3. Отношения партнеров по общению и их психические состояния репрезентируются с помощью «языка тела» раньше, чем посредством слов; иначе говоря, невербальные компоненты в процессе личностного взаимодействия начинают разворачиваться с опережением по сравнению с языковыми, поэтому им принадлежит главная роль в моделировании образа партнера, а также коммуникативного акта в целом.¹⁷

Однако, как представляется, сказанное свидетельствует не о приоритете *body language* в выражении внутренних переживаний субъекта, а о том, что он играет не менее важную роль в передаче эмоциональной информации, чем естественный язык. Действительно, экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что невербальные компоненты являются не факультативной/дополнительной, а обязательной частью речевого акта, своего рода «коммуникативной универсалией» (термин И. Н. Горелова). На наш взгляд, существуют не менее веские основания

¹³ В. И. Шаховский, *Лингвистика эмоций*, в: *Язык и эмоции*, Волгоград 1995, с. 6.

¹⁴ *История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*, Москва 1996, с. 121.

¹⁵ В. В. Богданов, *Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты*, Ленинград 1990, с. 5.

¹⁶ В. П. Морозов, *Искусство и наука общения: невербальная коммуникация*, Москва 1998, с. 24-25.

¹⁷ В. А. Лабунская, *Невербальное поведение (социально-перцептивный подход)*, Ростов-на-Дону 1986, с. 16.

полагать, что именно естественно-звуковой, а не «телесный» язык является наиболее адекватным средством экспликации эмоций. Данный тезис может быть подтвержден целым рядом фактов:

1. Языковые эмотивные знаки¹⁸ образуют не только самостоятельную, но и самодостаточную систему, которая во многих случаях не нуждается в подкреплении извне, со стороны других знаковых систем выражения субъективной информации; ср.:

Поскольку языковая деятельность – средство установления связи, субъект высказывания, пользуясь языком, говорит что-то и о самом себе. Стало быть, языковая деятельность – главное средство его самовыражения, ибо языки позволяют сочетать когнитивные процессы с выражением внутренних побуждений. [...] Другие способы выражения, от искусства в целом до простого взгляда, могут оказаться недостаточными и не достигают такого согласия в их истолковании, как языковые выражения. [...] по крайней мере часть эмоций может быть выражена, а важность той части, которая остается невыраженной, не столь велика, чтобы усомниться в выразительном потенциале языка.¹⁹

Невербальным симптомам чувств, напротив, присуща относительная несамостоятельность, поскольку во многих случаях они играют вспомогательную роль, дублируя, подчеркивая, дополняя или изменяя значение языковых эмотивов, иначе говоря, обеспечивая правильную их интерпретацию:

Паралингвистические средства могут рассматриваться как некоторая подсистема в общем процессе коммуникации. Вне словесной коммуникации эти средства не имеют самостоятельного значения. Они не несут в себе особого содержания. Все виды параязыка (жесты, мимика и др.) контекстуально привязаны к конкретному высказыванию.²⁰

¹⁸ Термин «языковые эмотивные знаки» мы употребляем в широком смысле, имея в виду под ними все средства языковой манифестации эмоций: лексические (эмотивы-номинативы, т.е. средства понятийной категоризации эмоций типа *сердиться, страшно, радостный* и т.д.; эмотивы-аффективы: междометия, бранные слова, инвективы и подобные им единицы – как чистые «сигналы» внутренних состояний, выполняющие собственно эмотивную функцию; эмотивы-экспрессивы (коннотативы): эмоционально окрашенные слова, эмоционально-оценочные слова и т.п., которым свойственна комплексная эмотивно-прагматическая функция, предполагающая, с одной стороны, передачу эмоционального отношения говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам, с другой – эмоциональное воздействие на адресата речи), так и грамматические, а также фонетико-интонационные; подробнее см.: Л. А. Калимуллина, *Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков)*, Уфа 2006, с. 87–97.

¹⁹ К. Ажеж, *Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки*, Москва 2003, с. 249.

²⁰ Г. В. Колшанский, *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*, изд. 2-е, Москва 2005, с. 219.

2. Элементам «телесного» языка свойственна полисемия, порождающая потенциальную неоднозначность их интерпретации в отрыве от словесного окружения, которая усиливается существованием не только общепринятого, но и индивидуального (в том числе спонтанного) проявления чувств; можно утверждать, что адекватное декодирование невербальных знаков эмоций происходит главным образом в рамках и с помощью естественного языка. Справедливости ради следует отметить, что аналогичная полисемия свойственна некоторым языковым эмотивам, например междометиям, однако здесь необходимы определенные уточнения. Как в свое время подчеркивал Э. Сепир, междометия, являясь невольным выражением чувства, неотделимы от него и служат, скорее, не средством сообщения о том, что испытывается определенная эмоция, а более или менее автоматической разрядкой эмоциональной энергии. Однако не следует отождествлять междометия с инстинктивными криками как таковыми, поскольку они выступают в качестве условной фиксации естественных звукоиспусканий, а потому существенно разнятся в отдельных языках в зависимости от их специфической фонетической природы²¹ (ср., например, междометия, производные от знаменательных слов). Именно конвенциональный характер междометий обуславливает то, что денотатом данных единиц является обобщенная, типизированная эмоция, закрепляемая за определенным языковым знаком и поэтому понятная всем носителям данного языка.²²

3. Возможности языка в передаче внутренних состояний субъекта не ограничены какими-либо временными, пространственными, количественными параметрами, тогда как невербальное выражение эмоций является физиологически лимитированным.

Таким образом, именно семиотическое «превосходство» языковых эмотивных знаков над невербальными средствами обуславливает приоритетную роль первых в передаче внутренних состояний субъекта:

Те движения тела человека, которые в истории обыденного сознания получили коммуникативную или психологическую значимость и стали элементами общения людей [...] образуют своего рода стык (мост, переходную и трансформирующую зону) между первой (предъязыковой) и второй (языковой) ступенями семиозиса. Здесь происходит перевод

²¹ Э. Сепир, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 2002, с. 29.

²² В. И. Шаховский, *Что такое эмотивное значение?*, в: *Проблемы изучения слова. Семантика, структура, форма*, Тверь 1990, с. 50–51.

содержания знаков одной семиотики (связанной с кодами бессознательного и биологического) в знаки другой семиотики, более надежной и социализированной.²³

Однако следует подчеркнуть, что границы между вербальными и невербальными знаками эмоций в отдельных случаях являются довольно размытыми, в связи с чем одни и те же явления могут интерпретироваться как элементы либо естественного, либо «телесного» языка. Таковы интонационные (в том числе фонационные) средства выражения эмоций, например изменения основных характеристик звука: высоты, силы, тембра и т.д. Если языковые, в частности лексические, знаки эмоций представляют собой самостоятельные единицы, способные без поддержки других элементов выражать внутренние переживания субъекта, то указанные средства носят вспомогательный характер: так, интонация играет главную роль в «кристаллизации» значения некоторых групп вербальных манифестантов эмоций, например междометий, полисемичных по своей сути. Это позволяет некоторым исследователям исключать эмоциональную интонацию из состава языковых средств, относя ее к невербальной (паралингвистической) сфере²⁴, или же подчеркивать принципиальное семиотическое сходство интонации и кинесики (жестов и мимики): поскольку обе они представляют собой одновременно и часть, и проявление психосоматического состояния человека, то по характеру связи формы и содержания могут быть названы знаками-индексами (симптомами).²⁵

Теперь обратимся к некоторым закономерностям обозначения невербальных симптомов эмоций в славянских языках (русском, болгарском, польском, чешском). С опорой на лексикографический материал можно говорить о том, что в этих языках имеется довольно значительное число таких единиц (параэмотивов), большая часть которых обозначает невербальное выражение первичных (эгоцентрических) эмоций, представляющих собой непосредственную реакцию на события: радости, печали, страха, гнева, удивления. Это объясняется следующим фактом. В онтогенезе и филогенезе данные внутренние состояния предшествуют вторичным (социальным) эмоциям любви, зависти, уважения, гордости и т.д.; поскольку несловесная репрезентация чувственных переживаний

²³ Н. Б. Мечковская, *На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке*, в: *Логический анализ языка: Языки динамического мира*, Дубна 1999, с. 391–392.

²⁴ Г. В. Колшанский, *Паралингвистика*, Москва 1974.

²⁵ Н. Б. Мечковская, *Семиотика: Язык. Природа. Культура*, Москва 2004, с. 142; Э. Сепир, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, 2-е изд., Москва 2002, с. 287.

является своего рода биологическим «атавизмом», то эволюционная древность базовых эмоций определяет более яркое невербальное их выражение, что соответствующим образом отражается в языке. Напротив, вторичные (социальные, культурные) эмоции, связанные с межличностным взаимодействием или рефлектирующей деятельностью сознания, например уважение, презрение, зависть и под., чаще всего находят не мимическое, жестовое, вокальное, а поведенческое выражение и потому обозначаются гораздо меньшим числом лексико-фразеологических единиц. При этом наиболее подробную номинацию получают следующие формы внешнего выражения эмоций:

I. Физиологическая симптоматика, в том числе такие ее виды, как:

1. Плач и смех, которые можно считать наиболее важными каналами эмоциональной экспрессии, поскольку число единиц с данным значением в славянских языках значительно превышает количество наименований других внешних признаков чувств; ср.: русск. *плакать, рыдать, лить (проливать) слезы* и т.д.; болг. *просълзявам се* 'плакать', *изплаквам се* 'выплакивать, изливать в слезах (горе, обиду)', *роня сълзи* 'ронять слезы, плакать', *заливам се от плач* 'заливаться слезами' и др.; пол. *zapłakać* 'заплакать', *kwilić* 'тихо (жалобно) плакать, плакать', *toczyć (sączyć) łzy* 'лить слезы', *wylewać gorzkie łzy* 'лить горькие слезы, плакать горькими слезами', *łzy się zakręciły w oczach* 'на глаза навернулись слезы'; чеш. *slzeti* 'лить слезы', *pobrečeti si* 'поплакать', *zakvíletí* 'заплакать, заголосить', *rozplývati se v slzách* 'заливаться слезами', *cediti slzy* 'разг. проливать слезы' и т.д. Вторая по значимости форма экспрессии эмоций – смех – также обозначается посредством лексических и фразеологических единиц, однако последним при этом принадлежит ведущая роль; ср.: русск. *помирать со смеху, валяться со смеху, надрывать животики (кишочки)* и т.п.; болг. *издува ме на смях* 'разг. меня берет (разбирает) смех', *избухвам в смях* 'разражаться смехом (хохотом)', *заливам се от смях* 'заливаться смехом' и др.; пол. *prysnąć śmiechem* 'приснуть со смеху', *skrecać się ze śmiechu* 'покатываться со смеху' и т.д.; чеш. *vybuknouti (vybuchnouti) ve smích* 'разразиться (разражаться) смехом', *zasmáti se od plic* 'от души рассмеяться', *dáti se dī smíchu* 'рассмеяться' и т.п.

2. Интенсивная физиологическая деятельность организма. Данное значение выражается, в первую очередь, параэмотивами страха, поскольку из целого спектра внешних проявлений этой эмоции языковое сознание выделяет такой ее признак, как дрожь: русск. *дрожать (трястись) как осиновый лист, зуб на зуб не попадает* и др.; болг. *стряскам* 'вздрагивать от неожиданности, испуга', *разтрепервам се* 'начинать дрожать (от страха)', *тръпки ме побиват* 'меня бросает в дрожь' и т.п.; пол. *ktoś trzęsie (drży) jak galareta* 'поджилки трясутся у кого-л.', *tydki komuś drżą (trzęsą się,*

dygoczą ‘поджилки трясутся у кого-л.’ и под.; чеш. *roztrásti se, zachvěti se (čím)* ‘задрожать, затрепетать (от страха и т.п.)’, *trásti se jako osika* ‘дрожать как осиновый лист’ и т.д.

3. Изменение окраски кожных покровов как следствие физиологических процессов, связанных с переживанием тех или иных эмоций: русск. *краснеть/покраснеть как рак, лицо горит (пылает) от стыда* и др.; болг. *пребледнея* ‘побледнеть (от страха)’, *зачервявам се от срам* ‘краснеть от стыда’, *позеленявам от яд* ‘позеленеть от злости’ и т.п.; пол. *splonać* ‘2. перен. вспыхнуть, залиться румянцем; зардеться’, *żółknąć z zazdrości* ‘позеленеть от зависти’ и под.; чеш. *zrudlý* ‘покрасневший, побагровевший (от гнева и т.п.)’, *pýřiti se studem* ‘краснеть от стыда’ и т.д.

II. Мимическое выражение эмоций. Параэмотивы, обозначающие эту форму внешней экспрессии, составляют вторую по численности входящих в нее компонентов группу. Данные единицы характеризуются однородной семантикой, поскольку большая их часть называет внешнее проявление недовольства, раздражения. При этом в фокусе внимания оказывается, прежде всего, такой основной мимический признак данной эмоции, как хмурое выражение лица; ср.: русск. *хмуриться, угрюмиться, как муху проглотил* ‘кто-л. недоволен, имеет кислый вид’ и др.; болг. *мръщя се, муся се, чумера се* ‘хмуриться, сердиться’, *навъсен* ‘хмурый, угрюмый’, *сключвам (смръщвам, свъсвам) вежди* ‘нахмурить, насупить брови’ и т.д.; пол. *zachmurzyć się, zmarszczyć się, nasrożyć się* ‘нахмуриться, помрачнеть’, *ściągnąć brwi* ‘сдвинуть (насупить) брови’ и под.; чеш. *posupně, ponurý, pochurný* ‘угрюмый, хмурый’, *nasupiti se, zaškarediti se, zakaboniti se* ‘нахмуриться, насупиться’ и т.д. Среди параэмотивных единиц особое место занимают обозначения такого вида мимических выражений, как взгляд. Круг данных единиц в основном ограничен наименованиями двух чувств – враждебности (недружелюбия) и удивления, при безусловном преобладании первых: русск. *смотреть (глядеть) сентябрем, смотреть (глядеть) косо* и др.; болг. *гледам из-под вежди* ‘смотреть исподлобья’, *поглеждам накриво* ‘смотреть косо’, *гледам на верев* ‘смотреть косо’ и т.д.; пол. *krzywić się na kogoś, na coś* ‘косо смотреть на кого-л., на что-л.’, *patrzeć krzywym (kosym, złym) okiem* ‘смотреть косо’ и др.; чеш. *hleděti bokem (s boku)* ‘смотреть искоса’, *loupati (po kom) očima* ‘неприветливо глядеть на кого-л.’, *[hleděti] úkosem* ‘[смотреть] косо, недружелюбно’ и т.д. Внутренняя форма данных ФЕ указывает на то, что основной мимической характеристикой чувства враждебности можно считать отсутствие прямого контакта глаз при общении. Благодаря образной семантике параэмотивов со значением удивления акцентируется такой ведущий мимический признак этой эмоции, как «расширенные» глаза: русск. *вытаращить глаза (белки), глаза на лоб лезут* у кого и др.; болг. *зверя се* ‘пялить, таращить

глаза (от удивления)’ и под.; пол. *wybaluszać oczy (gały)* ‘разг. таращить (выпучивать) глаза (прост. зенки)’, *oczy komuś wychodzą (wylazą, wyskoczą) na wierzch (z orbit)* ‘глаза на лоб лезут у кого-л.’; чеш. *vytřeštití* ‘вытаращить [глаза]’, *s očima navrch hlavy* ‘с вытаращенными от удивления глазами’, *vyvaliti oči* ‘вытаращить глаза’ и др.

III. Кинетическое выражение эмоций. В рассматриваемых языках наименования эмоционально-выразительных жестов являются менее широкими и разнообразными; ср.: русск. *летать на крыльях, прыгать (скакать) от радости, опускать (вешать, понуривать) голову* и т.п.; болг. *милвам* ‘нежно гладить, ласкать’, *ходя като муха без глава* ‘ходить как в воду опущенный’, *скубя си косите* ‘рвать на себе волосы’ и др.; пол. *włosy (sobie) rwać (drzeć) z głowy* ‘рвать на себе волосы’, *spuścić głowę* ‘опустить, повесить голову’ и т.д.; чеш. *svěsiti hlavu* ‘повесить голову’, *lomiti rukama* ‘заламывать в отчаянии руки’, *kroučiti (nad čím) hlavou* ‘удивленно качать головой’ и т.д.

Как свидетельствуют результаты анализа, большая часть анализируемых единиц обозначает высокую степень интенсивности эмоциональной экспрессии. На наш взгляд, это объясняется тем, что высокоинтенсивное невербальное проявление эмоций воспринимается социумом как некое отклонение от нормы, а последнее, как известно, всегда получает в языке детальную номинацию. При этом главное место отводится фразеологическим единицам, которые в образно-символической форме интерпретируют «язык тела». Необходимо также подчеркнуть, что для многих параэмотивов характерна диффузность значения, в силу которой одна и та же единица может обозначать внешние признаки ряда близких или отличных друг от друга состояний. В наибольшей степени такая семантическая размытость свойственна наименованиям физиологических симптомов эмоций, например: болг. *занемявам* ‘неметь, замирать (от страха, удивления)’, *пламна* ‘вспыхнуть, покраснеть (от стыда, гнева)’, *гълтвам езика* ‘неметь, смущаться, пугаться, лишаться дара речи’; чеш. *býti jako pokropený* ‘остолбенеть (от изумления, страха и т.п.)’ и др. Кроме того, важно отметить, что значительную долю параэмотивов составляют единицы с образной семантикой, в основе вторичного значения которых лежит метонимический либо метафорический перенос. Метонимический принцип, на котором базируется образное значение многих рассматриваемых лексем и фразеологизмов, в самом общем виде может быть сформулирован таким образом: «Физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию».²⁶ Этот принцип отражает наивно-

²⁶ Дж. Лакофф, *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*, Москва 2004, с. 494.

-психологические представления о базовых эмоциях (страхе, гневе, радости и т.д.), которые, являясь врожденными, характеризуются отчетливо выраженной внешней симптоматикой. Вместе с тем можно утверждать, что многие параэмотивы имеют синкретичное стативно-эксplikативное значение, так как обозначают одновременно и переживание эмоции, и ее невербальное (в данном случае – физиологическое) проявление: русск. *цепенеть, кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах, бросает (кидает) в жар (пот, холод)* кого и т.д.; болг. *окаменявам* ‘каменеть (от страха)’, *вдървявам, смръзвам* ‘цепенеть, столбенеть, застывать (от страха, ужаса)’, *настръхвам от ужас* ‘волосы встают дыбом (от ужаса)’ и под.; пол. *zmar-twieć* ‘2. застыть, замереть под влиянием сильных эмоций, например страха’, *skóra komuś cierpnie* ‘мороз по коже подирает’, *krew stygnie w ży-łach komuś* ‘кровь стынет в жилах’ и под.; чеш. *zkoprněti* ‘остолбенеть, оцепенеть’, *mráz ti přeběhl po zádech* ‘у него мороз пробежал по спине’ и под. Внутренняя форма лексем, вторичное значение которых основано на метафорическом переносе, чаще всего отражает ассоциации, связанные с физическим (природным) миром: русск. *дрожать* ‘1. сотрясаться, колебаться; 2. испытывать дрожь, трястись’, *леденеть* ‘1. превращаться в лед; 3. цепенеть, замирать’ и т.п.; болг. *оключавам* ‘1. поникнуть (о цветах); 2. приуныть, повесить нос, понурить голову’, *смразявам се* ‘1. замёрзнуть, превращаться в лед; 2. цепенеть (от страха)’ и др.; пол. *chmurzyć* ‘1. затягиваться (заволакиваться) облаками; 2. хмуриться’, *mrocznieć* ‘1. темнеть, погружаться во мрак; 2. перен. мрачнеть’; чеш. *pochmurný* ‘1. пасмурный, мрачный; 2. перен. угрюмый, хмурый’, *kviliti* ‘1. завывать (о ветре); 2. рыдать, стенать, причитать’ и т.д. Эти образные стереотипы, связанные с древнейшими анимистическими представлениями об объектах и явлениях природы, отражают наивно-психологические воззрения на сущность *homo sentiens*, а потому находят широкое выражение в славянских языках.

Таким образом, в анализируемых языках преимущественное обозначение получают социологизированные формы внешнего проявления эмоций, фиксируемые не только чувствующим субъектом, но и наблюдателем, а именно: плач, смех, мимические реакции и т.д. Напротив, значительно меньшим числом языковых единиц представлены физиологические признаки эмоций, доступные лишь интроспекции, а потому не имеющие социальной обусловленности (например, дрожь, изменения в системе кровообращения и т.п.). Можно полагать, что подробная номинация тех видов невербального выражения эмоций, которые регулируются социально-культурными факторами, подтверждает мнение психологов о необходимости компромиссного решения вопроса относительно универсальности vs. национально-культурной специфики данной знаковой системы.

**Semiotic Essence of Non-Verbal Emotional Code and Specificity
of Its Nomination (on the Material of Slavonic languages)**

The article deals with the main problems of correlation of the verbal and non-verbal codes from the semiotic point of view. The author differentiates several groups of the non-verbal components according to the relationship of their content and form and argues the priority of the verbal or non-verbal codes in the process of expression of the inner states. Special attention is paid to investigation of the lexemes and idioms which denote a non-verbal manifestation of such basic emotions as joy, sorrow, fear, anger, astonishment, etc., in the Russian, Bulgarian, Polish and Czech languages.